

АНАТОЛИЙ КОМСОМОЛЬЦЕВ

ПРАВДА
ВСЕГДА
ВЫХОДИТ
НА СЛЕДУЮЩИЙ
УРОК

История
— это
не прошлое.
Это
люди.

ИСТОРИЯ СССР
ДРЕВНЯЯ РУСЬ
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

КЛАССНЫЙ
ЖУРНАЛ

ШЕСТОЙ УРОК

ШКОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Анатолий Комсомольцев

Детектив. Шестой урок

<https://litres.ru/74602372>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1985 год. Из школьной мастерской исчезают радиодетали. Взамен кто-то оставляет восемь копеек. Учитель труда Николай Степанович устраивает засаду — и ловит отличника.

Мальчишка собирает магнитофон для младшего брата: отец уходит из семьи, и ребёнку нужно сохранить хотя бы его голос.

Николай Степанович берётся помочь. Но мастерскую опечатывают, кружок закрывают, а учителя обвиняют в присвоении школьного имущества. Под подозрением остаётся другой ученик. Выдать настоящего виновника — предать одного. Промолчать — погубить второго.

Двадцать семь лет он помогал мальчишкам найти своё место в жизни. Теперь его самого собираются списать.

Только последнего урока он ещё не дал... списывать можно детали. Но не детей!

Содержание

Глава 1. Пирамидка из копеек	4
Глава 2. Фикус для профорientации	8
Глава 3. Засада	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анатолий Комсомольцев

Детектив. Шестой урок

Глава 1. Пирамидка из копеек

Подвальчик просыпался раньше школы. Николай Степанович щёлкнул выключателем, и лампочка Ильича над верстаком мигнула дважды, передумала и всё-таки зажглась. Пахло, как всегда, в три этажа: наверху канифолью, посередине машинным маслом, а понизу холодом и меловой пылью, которую натащили после весенней уборки и вымести так и не удосужились.

Паяльник ЭПСН он воткнул в подставку первым делом — пока жало нагреется, можно заняться платой. Шнур в тряпичной оплётке, ручка деревянная, сорок ватт, и разогревается он, надо сказать, без спешки. Усилитель для девятого «Б» лежал на гетинаксе недопаянный, как сочинение без вывода. Николай Степанович стянул со лба очки для пайки, опустил на нос, и в подвальчике всё сразу стало крупным и понятным: подшивка «Радио» на полке, спиртовка под табуретом, трафареты на стене, где у каждого кусочек и у каждой отвёртки свой обведённый силуэт.

Канифоль звякнула в спичечном коробке. Он взял прутик припоя ПОС-60, тронул им жало — припой осел блестящей

капель, — и рука, не дожидаясь головы, полезла на полочку, где в обрезанной жестянке из-под чая держали магнитные головки.

Жестянка была. Головки ЗД24.080 — не было.

Николай Степанович замер с паяльником в воздухе. Полка не обманывает: двадцать семь лет всё лежит по трафаретам. На месте головки темнел чистый кружок в пыли. А на верстаке, ровно по центру гетинаксовой платы, стояла пирамидка из копеек — четыре монеты по две, сложенные сияющими ступеньками.

Сдача.

— Восемь копеек, — сказал Николай Степанович вслух. Головку в «Радиодеталях» и за рубль десять не найдёшь. Если туда вообще такие завозили.

Додумать он не успел: на лестнице простучали шаги, знакомо споткнулись о третью ступеньку, и в дверях вырос Палыч — с инвентарной книгой в переплёте, прижатой к животу, как икона.

— Верховцев. Я не говорю — я докладываю. По факту.

— Здравствуй, Палыч. Присаживайся — табурет инвентарный, не пропадёт.

Палыч не сел. Он окинул взглядом стену с трафаретами — всё на месте, — меловую доску, где в углу белел квадратик с инвентарным номером (доску он тоже занёс в книгу), и остановился над верстаком. Принюхался — коротко, профессионально, как собака у куста.

— Припоем тянет. Для протокола констатирую: паяльные работы велись.

— Шестой урок в пятницу был. Вполне себе в урочное время.

— А вот это, — Палыч ткнул авторучкой «Паркер» в пирамидку, не касаясь, — что за денежные знаки? У нас школа или сберкасса?

— Сберкасса на самообслуживании. Кто-то взял головку и оставил сдачу.

Палыч развернулся к нему целиком; очки на шнурке качнулись.

— Головку, — повторил он, открывая книгу. — Номер?

— Три-Д-двадцать четыре, ноль восемьдесят.

— Инвентарный номер, Верховцев. Не марку — номер.

— По твоей книге — сто сорок седьмой. Полка вторая, жестянка из-под чая.

Палыч листал, причмокивал, нашёл, поставил галочку.

— Сто сорок седьмой числился. Теперь не числится. Я обязан составить акт о недостатке. И, — он понизил голос, хотя слушать их было некому, кроме коробок с микросхемами, — у меня имеются соображения.

Николай Степанович молчал. Пауза с паяльником — лучший допрос.

— Лупачёв, — не выдержал Палыч. — Вовка этот. Шляется тут после уроков, отец у него, сам знаешь, слесарь — когда работает. Руки загребушие.

— Руки у него золотые, — сказал Николай Степанович.
— И совесть дворовая. Честнее школьной.

— А копейки? — Палыч кивнул на пирамидку. — Вор сдачу оставил. Культурный вор. Из интеллигентных, между прочим.

Крыть было нечем. Николай Степанович смотрел на восемь копеек: столбик ровнёхонький, хоть линейкой проверь. И думал про Вовку. Ну не его это манера. Вовка, если уж взял, то взял — хлопнул дверью и пошёл, а сдачу отсчитывать ему и в голову бы не пришло. Да только Палыч верил бумаге, а Николай Степанович верил собственным рукам, и против бумаги они ничего не значили.

— Акт пиши, — сказал он. — Только про Лупачёва — ни слова, пока я не разберусь.

Палыч поджал губы и покрепче обнял свою книгу.

— Я не крысю, Верховцев. Я констатирую.

Ушёл он и, ясное дело, снова споткнулся на третьей ступеньке. Николай Степанович стянул очки, потёр переносицу, глянул на календарь с ракетой — пятнадцатое апреля — и двумя пальцами, чтоб не рассыпалась, перенёс пирамидку с платы в жестянку из-под чая. На место головки.

Глава 2. Фикус для профориентации

Педсовет назначили на большую перемену, то есть на то время, когда в школе вообще-то обедают. В актовый зал Николай Степанович вошёл в сером костюме, который берёт для собраний, с бутербродом во внутреннем кармане, рядом с сердцем; на подкладке потом долго оставалось масляное пятно.

Коллектив сидел каре: физрук Семёныч, историчка Вера Ивановна с вязанием — она вязала на всех педсоветах с шестьдесят восьмого и связала, по подсчётам Палыча, полтора ковра. Сам Палыч — в первом ряду, с инвентарной книгой на коленях. Книга у Палыча была вместо сумки. А вспомнив галочку напротив сто сорок седьмого номера, Николай Степанович подумал: и вместо совести.

Раиса Петровна стояла у трибуны. Папка с тиснением «РАЙОНО» лежала перед ней, как Евангелие.

— Коллеги. Двадцать четвёртого мая — районный смотр «Школа — труд». Вопрос не рядовой: о представлении района о нашей школе. И, — она сняла очки, что означало: сейчас будет по душам, — о представлении нашей школы о самой себе. Комиссия осмотрит мастерские, участок и кружковую работу. Докладывайте, Николай Степанович. Что покажем?

— Людей. Девятиклассники собирают усилитель, десятиклассники — кодовый замок на инвентарную кладовку. Палыч подтвердит.

— Усилитель, — повторила директриса; слово прозвучало вчерашним. — Районо спросит: а что я покажу — вентиль? Мне нужна не жестянка с деталями, мне нужна витрина трудового воспитания. Экспозиция. С концепцией. По существу: комиссия по оптимизации рассматривает ставку трудового обучения. В пакете. Не решено — рассматривается. И подвальное помещение планируется под кабинет профориентации. Решение не моё — решение времени. Кабинет — лицо школы, туда комиссия зайдёт обязательно.

— А подвальчик?

— А подвальчик, Николай Степанович, — это подвал. В него комиссия не зайдёт ни при каких концепциях.

Повисла тишина, и в ней стало слышно, как вяжет Вера Ивановна.

— Тогда фикус, — сказал вдруг Семёныч. — В кабинет профориентации. Без фикуса не кабинет, а коридор.

— Верное замечание! Палыч, зафиксируйте. Фикус — в смету.

И случилось то, что Николай Степанович потом вспоминал в подвальчике, глядя на жестянку из-под чая с восемью копейками: фикус обсуждали двенадцать минут — у окна или у стенда, чей по инвентарю, не съедят ли вредители. А его ставку — двадцать семь лет и тысячу паек — четыре ми-

нута, три из которых директриса искала в папке бумагу.

— Вопрос исчерпан. Есть разное?

— Есть. — Николай Степанович поднялся. — К смотру соберу витрину. Свою. Не муляж — работающую: усилитель будет играть, замок — открываться, ребята — стоять рядом и отвечать. Но подвальчик не трожьте, Раиса Петровна. Я в этой школе стены красил, когда вы букварь носили.

Директриса сняла очки, подумала, надела.

— Примем как встречное обязательство. Витрина к двадцать четвёртому. Не будет — вернёмся к пакету. Свободны.

В учительской его ждал чай. Географичка Людмила Павловна доставала конфету «Мишка на Севере» — одну, распиленную на всех ножом для бумаги: ритуал назывался «чай со слоном», потому что слона было мало, а чая много. Николай Степанович грыз свою восьмушку мишки и слушал, как за стенкой Раиса Петровна говорит по телефону. Не кричала — докладывала.

— Да. Поняла. Раньше можем. Никаких сложностей. Концепцию представим.

Она заглянула в учительскую — точнее, в него, через все головы, как прожектором.

— Николай Степанович. Уточнение от районо: школьный этап смотра переносится. Не двадцать четвёртого — десятого мая. Районо просит.

Каблуки простучали по коридору и стихли. Николай Степанович посмотрел на календарь «40 лет Победы», красный,

с салютом, и принялся считать. До десятого мая — двадцать четыре дня. В жестянке из-под чая лежали восемь копеек от вора, которого он до сих пор не нашёл. У Палыча в книге стояла галочка. А в районо, в пакете, дожидалась решения его ставка, вместе с двадцатью семью годами, между прочим.

— Допивайте, Николай Степанович, чай остывает.

Он допил, хотя чай был уже тёплый и невкусный, и пошёл вниз. На верстаке лежал усилитель для девятого «Б» — всё то же сочинение без вывода. Раньше с ним можно было возиться хоть до лета, а теперь у вывода появилась дата, и дата эта ему не нравилась.

Глава 3. Засада

Школа гасла по этажам: сперва третий, потом второй, а в подвальчике лампочка Ильича горела дольше всех — упрямая, как сам хозяин. Николай Степанович запер верстак, на ходу тронул жестянку из-под чая (восемь копеек лежали на месте) и пошёл домой дворами. Сирень ещё только думала про почки.

Дома — тридцать восемь метров, радиоточка да старенькая «Рига-6». Картошку Николай Степанович сварил сам и съел под портретом Ани. Жена улыбалась с него седьмой год, а он всё равно отчитывался: смотр перенесли, Палыч опять констатировал, что в школе вор. Аня улыбалась. Радиоточка бормотала про металлургов. На этажерке ждал «Рубин» соседей с третьего этажа — кадр плыл, а починить велено было к субботе, потому что Семаки без «Малиновки» жить не могли.

За телевизором пришла не тётъ Нина, а сам домоуправ, и уже это ничего хорошего не обещало. Он постоял в дверях и понюхал прихожую — точь-в-точь как Палыч нюхал припой.

— Соседи спрашивают, Николай Степанович. Это ж безвозмездно, выходит?

— Безвозмездно, Илья Григорьевич. Даже с собственным припоем.

— А люди-то думают — заработок. Левый. Пишут всякое

теперь. В районо, говорят, письма пошли, печатными буквами. Я ж вас предупреждаю по-соседски.

Письма печатными буквами. Николай Степанович поблагодарил, закрыл дверь и ещё долго стоял над кухонным столом, где под стеклом лежала клеённая тетрадь, старая, потёртая, вся в чайных пятнах. Открывать её он не стал: не до неё сейчас.

Зато вечер был тот самый — пора садиться в засаду.

В подвальчик он вернулся в десятом часу, когда сторожиха дочитала фельетон и заперла вестибюль. Зашёл чёрным ходом, у столовой: там с осени не держалась защёлка, и об этом знала половина мальчишек района. Школу Николай Степанович знал на ощупь — двадцать семь лет всё-таки, — каждую ступеньку, каждую скрипучую доску. Третью он обошёл молча, не то что Палыч.

Пост он обустроил по всем правилам. Термос с чаем сунул под табурет. Валенок пристроил на форточку: откроют — валенок упадёт и брякнет, а такая сигнализация надёжнее электрической, батареек не просит. Очки для пайки надел, потом снял — в темноте они ни к чему. Сел за стеллаж, спиной к спиртовке, и стал ждать вора, у которого совести хватило на восемь копеек, а на заявление не хватило.

Ждать приходилось с оглядкой на календарь. До смотра оставалось двадцать три дня, витрина так и лежала на гетинаксе недопаянной, а у Палыча в книге напротив номера сто сорок семь стояла галочка и просила продолжения. Утащит

вор ещё хоть резистор — и акт о недостатке разрастётся в многотомник.

Часы с кукушкой над доской отбили полночь, потом час. Чай в термосе ещё грел, а вот азарт к этому времени стал выдыхаться. Николай Степанович вспомнил поговорку отца, ещё с фронта: «Засада — это когда сначала скучно, потом страшно, потом смешно». Скучно уже прошло. А дальше его сморило: голова упала, рот открылся, и приснилась ему Аня — она варила картошку, и картошка почему-то пахла канифолью.

Разбудил его не валенок, а шаг, совсем близко. Кто-то шёл осторожно, про третью ступеньку знал побольше Палыча и у самого стеллажа чуть не наступил на учителя труда, спящего на посту.

— Стой, — сказал Николай Степанович негромко. Крик подействовал бы хуже.

Фигура застыла прямо над жестянкой. Николай Степанович сам дотянулся до выключателя, и лампочка Ильича высветила белую рубашку, аккуратно повязанный галстук и раскрытую ладонь. На ладони лежали три микросхемы К157 и бобина от «Весны». А на верстаке рядом уже стояла начатая пирамидка из копеек, недостроенная — сдача не успела.

— Градов, — сказал Николай Степанович.

Серёжа Градов, отличник и гордость девятого «А», сын инженера и врача, стоял под сорокаваттной лампочкой и даже не думал бежать. Кусал кожу возле ногтя, а часы «Заря»

на запястье тикали громче кукушки.

— Товарищ учитель, — мальчик сглотнул, и голос у него сорвался, сломался наполовину. — А вы умеете писать голос с телефона?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.